

В четвёртый год правления Тайчу на дворцовом экзамене Император Тайчу Линь Си лично назвал студента Академии Байлу по имени Цзи Няо, также известного как Цзи Чанъянь, лучшим на имперских экзаменах — чжуаньюанем. С тех пор его карьера стремительно шла в гору, и всего за три года он стал главным секретарем императорского двора третьего ранга, сосредоточив в своих руках всю полноту власти сразу после императора.

— Ах!

— Пощадите...

— ...Подлый царедворец, сдохнешь же в муках!

То пронзительные проклятия, то слабые стоны, то душераздирающие крики доносились из роскошной и величественной усадьбы в столице государства Цзинь — городе Фэнцзин.

Усадьба была построена из серого кирпича с черной черепичной крышей, отличалась простотой и элегантностью, а на алых двустворчатых воротах висела доска, на которой размашистым почерком были выведены два больших иероглифа: Резиденция Цзи.

У величественных ворот Резиденции Цзи дежурили двое стражников в черных обтягивающих костюмах, сливавшихся с ночной темнотой настолько, что без пристального взгляда их было трудно заметить.

Позвольте же читателям последовать за автором через главные ворота внутрь Резиденции Цзи и осмотреть эту первоклассную столичную усадьбу.

Стоило пройти за главные ворота, как открывалась широкая дорога, вымощенная синим кирпичом. По обеим сторонам от нее росли два огромных дерева османтуса, чей аромат в золотую осеннюю пору восьмого месяца заполнял весь сад.

В этот момент серебристый лунный свет струился с темно-синего ночного неба прямо во двор. И хотя ночная прохлада была чиста, как вода, высокие и низкие крики придавали этому пейзажу жутковатую, мрачную атмосферу.

Пройдя по синей кирпичной дороге вперед, попадаешь в парадный зал для приема гостей.

В этот самый момент перед главным залом, развалившись в широком кресле тайши и выглядя ленивым и отрешенным, сидел молодой человек. Он был облачен в круглоговоротый халат из птичьего пуха цвета морской волны с облачными узорами и вышитыми кяринями.

В руке он держал чайную пиалу из официальной печи небесно-голубого цвета.

Молодой человек сделал легкий глоток чая и небрежно бросил:

— Раскололся?

— Докладываю господину: этот человек по фамилии Чэнь страшно упрям, ваш подчиненный проявил некомпетентность.

Стоявший перед ним на коленях человек в черном низко опустил голову, его голос слегка дрожал.

Если приглядеться, можно было заметить, что плеть в его руках была покрыта пятнами густой алой и бурой запекшейся и свежей крови.

— Ничтожество. — Молодой человек опустил чашу с чаем и тихо усмехнулся. — Ступай сам получить десять ударов плетью. Е Сяо, пошли, составишь мне компанию навестить министра Чэнь.

— Слушаюсь, господин.

Обе фразы прозвучали одновременно.

Стоявший на коленях человек в черном почтительно согнулся и удалился.

Рядом с молодым человеком материализовалась еще одна черная тень.

Эта внезапно появившаяся тень с головы до ног скрывалась в тени от светильника: ни лица толком не разглядеть, ни голоса услышать, словно бы в ней вовсе не было человеческого присутствия.

Юноша в зеленом поднялся и повернулся, направляясь вглубь помещения.

Бесшумная черная тень последовала за ним, словно призрак.

Юноша неспешно дошел до кабинета и протянул изящные белоснежные пальцы, чтобы повернуть скрытый механизм на книжной полке.

Под тихий щелкающий звук часть стены отвернулась, обнажая вход в небольшую потайную комнату.

Юноша в зеленом вошел туда вместе с тенью, и стена за их спинами вернулась в прежнее положение, не оставляя и следа того, что здесь кто-то проходил.

За тайной дверью обнаружилась длинная лестница.

В отличие от сырых и темных подземелий, какими их обычно представляют себе люди, это убежище было сплошь увешано светильниками, освещавшими его так ярко, будто стоял белый день.

На стенах по обеим сторонам лестницы громоздились бесчисленные древние фолианты: бамбуковые планки, шёлковые свитки, каменные изваяния, бумажные раритеты — здесь было абсолютно всё, и всё это дышало богатым ароматом чернил и древности.

Юноша мимоходом вытянул с полки один шёлковый свиток, взял его в руку и двинулся дальше внутрь.

Пройдя до конца лестницы, уставленной редчайшими древними манускриптами, они оказались во внутренней комнате.

В этом помещении не было ни капли мрачной сырости: оно было просторным, светлым и оформлено с предельным великолепием.

Потолок комнаты украшали тридцать шесть ночных жемчужин размером с чашу, и их холодный белый свет заливал подземелье так ярко, будто оно находилось под лучами солнца.

У стены рядом с лестницей стояла широкая и удобная архаичная тахта из золотого нантского дерева, застеленная тонким шелковым покрывалом лунно-белого цвета с вышитыми стеблями бамбука и камнями.

Рядом с тахтой помещался небольшой столик, на котором красовался гарнитур для чаепития из белого нефрита — чайник в форме цветка сливы и чаши-красавицы, исполненные с тончайшей резьбой, выглядевшие совсем как живые.

В курильнице из нефрита цвета морской волны вился тонкий дымок: тлели благовония высшего качества.

Напротив тахты возвышалась шестнадцатистворчатая ширма из цельного куска прозрачного хрусталя с резным изображением развлекающихся красавиц. Прямо посередине ширмы было вплавлено окошко из водяного халцедона.

Через это окошко с тахты можно было прекрасно рассмотреть то, что происходило по ту сторону, но из противоположной части комнаты тахта оставалась невидимой.

Без сомнения, это было невероятно роскошное и комфортное место, если не брать в расчет обстановку на той стороне.

К несчастью, по другую сторону ширмы находился огромный чугунный пыточный стан, вокруг которого были расставлены самые разнообразные орудия пыток, от одного вида которых стыла в жилах кровь.

В этот момент на самом стане висел изуродованный человеческий обрубок.

Лишь присмотревшись ближе, можно было понять, что перед глазами и вправду человек, только вот его ноги отсутствовали напрочь, а обрубки были рваными и неровными, словно их оторвали грубой силой.

Юноша подошел к тахте, опустился на нее и поднял взгляд на пыточный стан, являя миру изящную улыбку.

— Министр Чэнь.

Юноша в зеленом заговорил. Его голос звучал приветливо и мягко, в нем сквозила улыбка, полная чарующей, почти обманчивой нежности:

— Давно не виделись, как поживает господин министр?

Висевший на дыбе человек, похожий на растрепанный кусок тряпки, приподнял спутанную, взлохмаченную голову.

На месте его глаз зияла лишь пара расплывчатых кровавых дыр, которые слепо и бессмысленно повернулись в сторону звука.

Спустя мгновение этот человек задрожал и заговорил — его голос был слабым, но пронзительным и резким:

— Цзи Няо, подлый ты негодяй, если у меня выпадет шанс, я собственноручно сорву с тебя шкуру...

— Сорвешь шкуру?

Юноша, которого называли Цзи Няо, тихо рассмеялся, и от этого смеха его тон стал еще более мягким:

— Отличная идея.

Он повернулся к пустому месту и с улыбкой отдал распоряжение:

— Эй там, пригласите сюда Третьего молодого господина семьи Чэнь. Пусть он сделает для старого министра военный барабан — чтобы, когда господин министр пожелает снова обругать меня, подлого царедворца, он мог бить в барабан и тешить свое сердце.

— Слушаюсь.

Кто-то отозвался, после чего слышались шаги, которые постепенно затихли в удалении.

На лице висевшего на дыбе человека, в котором угасающая мертвенная бледность только что сменилась гневом, мгновенно отразился дикий ужас:

— Цзи Няо, Цзи Няо, сукин ты сын, что ты задумал?!

Он бранился и отчаянно рвался вперед, отчего цепи, обматывавшие его руки, загремели с резким звоном.

— Да ничего особенного, просто хочу помочь вашему превосходительству развлечься, — с улыбкой ответил Цзи Няо.

В холодном белом сиянии ночных жемчужин его черные волосы, алые губы и нежная белая кожа сливались в образ божества, сошедшего с картины.

— Цзи Няо, главный секретарь Цзи, пощади И-эра! — в панике завопил истерзанный мужчина.

— Пощадить? Но ведь это вы сами, господин министр, изволили говорить о содранной коже.

Цзи Няо поднялся, обошел ширму и приблизился к пыточному стану.

Его алые губы изогнулись в красивую усмешку, а взгляд был чист и невинен:

— Как же так, неужели господин передумал? Взрослым людям не подобает отказываться от своих слов.

Произнес Цзи Няо так мягко, словно укладывал спать ребенка.

Человек, похожий на изодранную тряпку, затрясся мелкой дрожью:

— Главный секретарь Цзи, что вы хотите узнать? Я всё скажу, я всё расскажу, умоляю, пощадите И-эра, дайте ему легкую смерть!

Цзи Няо звонко рассмеялся:

— Раз уж господин столь любезен, младший не смеет отказываться. Только вот жаль мое мастерство — я ведь так хотел лично смастерить для вас барабан.

Он опустил глаза на собственные длинные и изящные руки, и в его голосе прозвучало искреннее сожаление.

<http://bllate.org/book/22361/2344371>